

УДК 329 (470)

КАСПИЙСКИЕ ЭНЕРГОРЕСУРСЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ МЯТЕЖНЫХ ТЕРРИТОРИЙ КАВКАЗА НА ЭТАПАХ ПОСТ-КОММУНИЗМА

Р.Н. Никеров

Ульяновский государственный университет
E-mail: armagomedov@gmail.com

Эта статья объясняет процесс вовлечения региональных интересов и мятежных территорий Кавказа в евразийскую войну трубопроводов, развернувшуюся в XXI в. в контексте борьбы за каспийские энергоресурсы. Такое рассмотрение проблемы позволит нам приблизиться к лучшему пониманию подоплёки августовской войны 2008 г. в Южной Осетии и основных стимулов её участников.

Ключевые слова: каспийская нефть, 5-дневная война, август 2008 г., мятежные территории Кавказа, региональные интересы.

Caspian Hydrocarbons and Regional Interests of Caucasian Separatist Territories on the Post-Communist Period

R.N. Nikerov

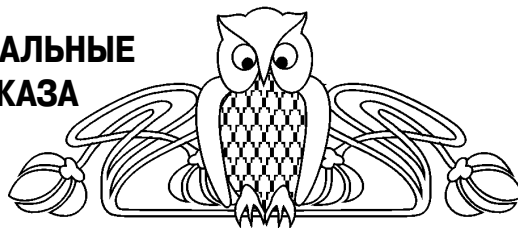
This paper explain the five-day war in South Ossetia erupted when the rivalry had reached a high point. The oil and transit factors have altered the stimuli and behavior of key political figures in South Ossetia and Abkhazia. The upsurge in the political importance of the local level of Caspian policies resulted in local centers of power, diplomatic fragments, and imitations along the functioning oil pipelines and transportation routes.

Key words: caspian hydrocarbons, the five-day war in South Ossetia, the Transcaucasian oil-and gas pipelines, regional interests

Югоосетинская война и нефтяные трассы Закавказья: удар по каспийскому энергетическому бизнесу

Одним из факторов пятидневной войны августа 2008 г. в Южной Осетии справедливо называется контроль над нефте-и газопроводами в Закавказье. Предметом особого интереса во время конфликта со стороны Грузии, Запада и международных информагентств была целостность нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД). Грузия дважды заявляла, что нефтепровод повреждён. Россия дважды – молниеносно – опровергала эти заявления.

Версия о нефтепроводной подоплёке войны в Южной Осетии прозвучала в первые же дни конфликта и стала важной темой информационной войны. Одной из самых запоминающихся сцен, которые показывали ведущие мировые телеканалы с места трагедии, были горящие вагоны с нефтью компании «Azpetrol». Каспийский нефтяной бизнес моментально среагировал на военные действия. Так, сразу после начала военных действий оператор нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан

British Petroleum (BP) объявила о приостановке транспортировки нефти по данному маршруту. Одновременно с этим приостановлена прокачка нефти по менее мощному трубопроводу Баку–Супса. Замерли нефтяные терминалы Потти, Батуми и Кулеви.

Здесь необходимо дать краткую справку о нефтепроводах БТД и Баку–Супса, и их стратегическом значении в борьбе за влияние на Каспии.

Нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан – трубопроводная система для транспортировки каспийской нефти к турецкому порту Джейхан на берегу Средиземного моря. Протяжённость нефтяного маршрута 1773 км. Трасса проходит по территории трёх стран – Азербайджана (449 км), Грузии (235 км), Турции (1059 км).

В конце сентября 2002 г. международный консорциум во главе с British Petroleum (BP) объявил о символическом начале работ по строительству новой нефтяной трассы. В феврале–марте 2003 г. началась прокладка этого маршрута. Торжественное открытие нефтепровода состоялось 25 мая 2005 г., первая прокачка нефти – в июле 2006 г. Потенциал нового нефтепровода включает в себя транспортировку 50 млн. тонн нефти в год. В итоге он связал азербайджанские нефтяные месторождения Азери, Чираг и Гюнешли (АЧГ) с турецким нефтяным портом Джейхан на Средиземном море.

Владельцем нефтепровода является международный консорциум BPC Co, куда входят: British Petroleum (BP) – 30,1%; Государственная нефтяная компания Азербайджана (ГНКАР) – 25%; Unocal – 8,9%; Statoil – 8,7%; ТРАО – 6,5%; ENI – 5%; Itochu – 3,4%; ConocoPhillips – 2,5%; Inpex – 2,5%; Total – 5%; Amerada Hess – 2,4%.

Нефтепровод Баку–Супса протяжённостью 830 км был построен в 1999 г. для экспорта «ранней» каспийской нефти с азербайджанских месторождений Азери–Чираг–Гюнешли (АЧГ). Трубопровод выходит к грузинскому порту Супса, откуда нефть перевозится танкерами по Чёрному морю. Пропускная способность сооружения – до 600 тыс. т в месяц. Нефтепровод имел сугубо локальное значение в силу своей маломощности и вспомогательного значения. Поэтому его ввод в эксплуатацию не сопровождался громким международным резонансом, как это случилось с проектом БТД.

Строительство нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан, проложенного по закавказским предгорьям и сейсмоопасному анатолийскому

плато, стало инженерным подвигом. Но в ещё большей степени это стало геополитическим триумфом коллективного Запада, своеобразной фигой, показанной Москве, поскольку Запад и Турция совместно с двумя бывшими советскими республиками – Азербайджаном и Грузией – построили трубопроводную систему в обход России. С геополитической точки зрения, основная цель строительства нефтепровода заключалась в создании независимого от России пути транспортировки нефти из Азербайджана (а в перспективе из Казахстана) на мировые рынки.

На символической закладке нефтепровода присутствовали президенты Азербайджана, Грузии и Турции, а также один из бывших министров энергетики США Спенсер Абрахам. По словам последнего, нефтепровод БТД является «важной частью нефтяной стратегии Америки, разработанной под руководством вице-президента США Р. Чейни». Этот нефтепровод являлся стержнем американской политики на Каспии начиная с 1994г. Весьма примечательно, что участники проекта БТД не скрывали его антироссийской и антииранской направленности, заявляя, что он важен прежде всего со стратегической точки зрения.

Можно определённо утверждать, что нефтепровод БТД – это не просто техническое сооружение по перевалке углеводородов. Это геополитический плацдарм, который Западу удалось вырвать у России в годы правления «раннего» Путина. Насколько чувствительными оказались нефтяные трассы Закавказья к внешнему воздействию, показали события 5-дневной войны в Южной Осетии.

Зафиксировав данные факты, вернёмся к событиям грузино-осетинского конфликта. Итак, с 5 на 6 августа была остановлена прокачка нефти по трубопроводу БТД. Причиной стал крупный пожар в районе компрессорной станции в посёлке Рэфахия в провинции Эрзинджан в восточной Турции. По свежим следам событий появились две версии произошедшего: технические неполадки и террористический акт (курдские сепаратисты). 9 августа появилась информация, что Рабочая партия Курдистана взяла на себя ответственность за взрыв на трубопроводе БТД. Сообщалось, что она пригрозила новыми акциями против «турецких нефтяных объектов» под предлогом того, что нападения на экономические ресурсы Турции сдерживают «войны по уничтожению курдского народа»¹. (далее будет показано, насколько схожая мотивация была использована абхазскими политиками в переговорах с ведущими мировыми энергетическими компаниями по поводу перспектив строительства трубопроводов по территории побеждённой ими Грузии в 1990-е гг.).

В появившихся затем многочисленных обзорах и аналитических материалах на эту тему стали преобладать экономические оценки. Вопросы о

том, сколько стоила Азербайджану или British Petroleum вынужденная остановка нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД), сколько миллионов тонн нефти недосчитался рынок и потребители и т.п., рассматривались чаще остальных.

Однако экономические аспекты конфликта, выраженные в подсчётах потерь и убытков, оставляли в стороне геополитический эффект происходящих событий. Мало кто из аналитиков пытался ответить на вопрос о том, просматриваются ли через цифры экономических потерь участников каспийского нефтяного бизнеса геополитические интересы сторон. И если да, то в чём они заключаются. Надо сказать, что геополитический аспект войны обозначился не менее угрожающе и заявил о себе в виде декларации полномочного представителя Южной Осетии в Москве Дмитрия Медоева. Суть заявления, который изложила на своих страницах газеты «Коммерсантъ Власть» 11 августа 2008г., заключается в том, что жители республики поднимутся на борьбу с врагом и объединятся в партизанские отряды, одним из направлений деятельности которых будет рельсовая война. «И мы тогда посмотрим, как Грузия будет отвечать, например, за свои обязательства по транзиту нефти по своей территории», – закончил полномочный представитель в своей декларации. Данное заявление прозвучало как геополитическая угроза. Это сразу напомнило горящие цистерны компании «Azpetrol» на путях к черноморским терминалам Грузии. Указанные страхи дополнялись упомянутыми выше сообщениями грузинского МИД 9 августа о бомбардировке нефтепровода БТД российской авиацией.

Любопытно, но точно такая же лексика, какую использовал полномочный представитель Южной Осетии Дмитрий Медоев, преобладала и в грузино-абхазских взаимоотношениях. Причём из уст такого же полномочного представителя, но абхазского. Что-то подобное уже было в 1990-е годы.

Неизбежные аналогии: родословная локальных энергетических войн на постсоветском Кавказе

Таков энергокоммуникационный аспект вышеописанных событий, позволяющих рассматривать данную войну как углеводородную. Однако это не вся истина. Энергетический и транзитный вопрос в отношениях Тбилиси с её мятежными окраинами имеет длинную родословную в недолгой истории грузинской независимости. Эта проблема уходит своими корнями в середину 1990-х гг. – период военных поражений и политического унижения Грузии. Наверное, мало кто об этом знает, но в событиях, связанных с грузино-абхазской войной, также отчётливо присутствовал военно-транзитный и углеводородный аспекты.

Абхазский и чеченский энергетические казусы 1990-х годов

Итак, в середине 1990-х гг. грузинская государственность оказалась в тяжелейшем кризисе после военного поражения в Абхазии. Возможно, кому-то трудно это представить, но в качестве орудия постконфликтной дипломатии абхазские политики использовали энергокоммуникационный фактор для закрепления своих позиций в регионе. Средством такой дипломатии в руках абхазской политической элиты стало обращение к ведущим мировым нефтяным компаниям, вовлеченным в проекты строительства нефтепровода Баку–Супса, не вкладывать инвестиции в грузинские трубопроводные проекты. Письма были адресованы, в частности, председателю Совета директоров корпорации «Шеврон» Кеннету Дерру, Президенту этой компании Ричарду Мацке, руководителям концернов «McConnell Dowell Constructors», «Marubeni», «Deutsche Morgan Grenfell/C.J.» и др. Аргументы абхазской стороны, изложенные полномочным представителем этой республики в США Иналом Казаном – высокие политические риски в регионе, где угроза новой войны между Абхазией и Грузией может обернуться очередной военной катастрофой для последней. При этом абхазы в своих обращениях предупреждали, что в условиях тлеющего конфликта с Грузией они оставляют за собой право «на полное разрушение нефтепроводной инфраструктуры в Грузии». В частности, в письме на имя Тренора Моргана, исполнительного директора строительной компании «McConnell Dowell Constructors», от 20 февраля 1998 г. говорится: «В настоящее время Абхазия имеет силы, готовые осуществить планы по полному разрушению любых усилий по строительству нефтепровода через грузинскую территорию, поскольку доходы от транзита нефти могут быть использованы противной стороной в будущих войнах с Абхазией. В свою очередь, в качестве более безопасной альтернативы грузинскому проекту, представители Абхазии в 1998 г. предлагали собственный вариант строительства нефтепровода через свою территорию – вдоль черноморского побережья.²

Приведенные послания, написанные в самый разгар нефтепроводной интриги в Каспийско-Черноморском мезоареале (январь 1996 – апрель 1998 гг.), можно рассматривать как часть абхазской дипломатии по оказанию давления в обоих направлениях – на Грузию и западных инвесторов. Однако абхазцы не осуществили свои угрозы, хотя для такого рода военного сценария были все основания. Грузинские порты Поти, Кулеви и Супса с их нефтяными терминалами находятся на расстоянии артиллерийского выстрела с территории Абхазии. Их уязвимость дополнительно возрастает от того, что они плотно расположены на отрезке

примерно в 25 километров – хорошая мишень в случае войны.

Ещё одна уместная аналогия, но уже из российской практики. Как и в независимой Грузии, схожая ситуация сложилась в ельцинской России в 1990-е гг. в результате первой войны в Чечне. Бесславный финал первой ичкерийской кампании и дальнейшее ослабление российского влияния на Кавказе после подписания хасавюртовских соглашений привели к рождению такого экстравагантного проекта, как идея «Кавказского общего рынка», предложенного Х.-А. Нухаевым. На словах данный проект рассматривался в качестве «механизма региональной интеграции, который способен принести мир и стабильность на Кавказе». Несущей конструкцией данной идеи был объявлен транспортный коридор «Север – Юг», связывающий Россию, Кавказ и Иран и выступающий в качестве дополнения популярного в своё время проекта «Запад – Восток» (ТРАСЕКА). По сути же дела России, как проигравшей стороне в первой чеченской войне, предлагалось своими руками создать Северокавказскую свободную экономическую зону вокруг Чечни с привязкой к ней всех энергетических и транспортных проектов. Как и в ситуации с Абхазией, в случае непринятия чеченского ультиматума авторы этой идеи выдвигали угрозы в адрес «северного» маршрута движения каспийской нефти по нефтепроводу Баку – Новороссийск.³ В целом тональность продвижения обоих проектов – раннеабхазского и позднеичкерийского – была исполненная в стиле военно-дипломатического шантажа.

Как видно из сказанного, энергетические и транзитные войны на Кавказе по посткоммунистическим меркам имеют богатую традицию. Однако, несмотря на очевидные аналогии, различен контекст описываемых событий: раннеабхазского и позднеичкерийского, с одной стороны, и югоосетинского – с другой. Если истоки раннеабхазского и позднеичкерийского казусов были связаны со слабостью и дезинтеграцией России и Грузии в 1990-е гг., то нынешний югоосетинский казус, напротив, связан с национальным ростом и подъёмом России и Грузии. К тому же, в отличие от южноосетинского образца 2008г., абхазский и чеченский казусы 1990-х гг. стали элементом не военной фазы конфликта, а частью постконфликтного военного ультиматума победивших провинций в адрес центральных правительств и западных нефтяных компаний. На уровне публичной политики эти проекты представляли собой, говоря словами Вадима Цымбурского, «местные центры силы, дипломатические фрагменты и имитации».

Таким образом, рассмотрение природы политического соперничества за ресурсы в начале

XXI века, включающее в себя региональный и локальный уровни геополитических интересов, дало нам больше, чем банальная констатация того, что за спиной воюющих сторон стояли геополитические интересы США и России. Как писал итальянский обозреватель Лучио Карраччиоло в статье «Урок Путина Вашингтону», «грузинская война имеет не только колоссальный региональный эффект, но и помогает переписать глобальное равновесие, которое, как казалось, закрепилось в конце прошлого века»⁴.

Августовская война в Грузии подтвердила старую истину о том, что пути торговли становятся путями войны. Основные причины интернационализации югоосетинских событий лежат в сфере геополитического противоборства, которое развернулось после 11 сентября 2001 г. Именно поэтому, в отличие от Абхазии и Чечни 1990-х гг., локальный югоосетинский конфликт 2008 г. с первых своих минут приобрёл глобальное значение.

После 11 сентября 2001 г. мир стал свидетелем нового явления—энергетических войн и борьбы за природные ресурсы. В международных отношениях началась полоса «ресурсного накопления» и «ресурсного национализма», когда приобретение углеводородного месторождения или маршрута стало напрямую переводиться в геополитический рост государства. Все понятия: национальные интересы и эгоизмы, силовой фактор и прагматизм будут превалировать над надеждами и иллюзиями «демократического транзита».

На эти годы приходится наиболее острая фаза информационной войны между Россией и коллективным Западом, достигшая своего пика в дни августовского конфликта 2008 г. в Грузии. «Путинская демонстрация тестостерона» подпитывалась (помимо долларовых сверхдоходов «нефтяного десятилетия») желанием изгнать воспоминания об унижении последних двадцати лет, а также конфуз от неудавшегося сближения с Западом на почве борьбы с «международным терроризмом».

Недовольство по поводу несостоявшегося партнёрства с Западом быстро переросло в подозрительность. Параллельно с этим в западных СМИ в отношении России и лично Путина нарастал презрительный и осуждающий тон. Работу западных журналистов и экспертно-аналитических центров, за редким исключением, отличала антироссийская мотивация. Путинскую эру характеризовали как время непрерывного насилия и растущего авторитаризма, в течение которого Путин на протяжении восьми лет своего президентства целенаправленно разжигал антизападные настроения с выгодой для себя. «На Путина, возносимого к вершинам власти призраками старого строя, была возложена миссия вернуть то, что было похищено «космополитическими оппортунистами», — писал французский публицист Марк

Дюген в статье «Владимир Путин, современный империалист»⁵. Даже сегодня непримиримые критики Кремля ассоциируют Владимира Путина с самыми мстительными и тёмными чертами русского характера.

Таков макрополитический контекст противоборства за каспийские энергетические и транзитные активы. Так что энерготранспортная гонка в зоне Большого Каспия проходила в рамках новообретённой конфронтации между Россией и Западом.

Выводы

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Транспортные проекты связаны с мощными геополитическими манифестациями и целенаправленным. Транспортные коммуникации (железные дороги, нефте-и газопроводы, судоходные каналы) представляют собой не только способ освоения географического пространства или упрочения границ. Это одновременно и фактор властного геополитического механизма. По мнению российского философа Сергея Королёва, дорога может стать стержнем (сердцевиной) пространства власти, каналом властных импульсов⁶. В зависимости от ситуации она может стать локальной или региональной машиной власти, инструментом мобилизации политических ресурсов и политического капитала. Подобно тому, как бизнес стремится к развитию, власть постоянно стремится к пространственной экспансии. Пути потенциальных экспортных нефтепроводов, больше чем что-либо другое, будет определять порядок выстраивания геополитических интересов.

2. В этом месте необходимо закрепить ещё одно важное методологическое допущение. Большинство международных дискуссий о нефтяной и транзитной политике в Каспийском регионе фокусированы на макроуровне процесса: моделях международных отношений и альянсов, которые формируются правительствами как часть своих каспийских стратегий.

Подобные подходы, конечно, важны, но они ведут к преувеличению роли национальных государств, преследующих очевидные и прямые цели. Такие, как защита национальной безопасности или поддержка национально-государственного ресурсного потенциала. В то же время любая энергетическая или транзитная политика так или иначе оказывается локальной. Особенно та, что связана с нефтепроводами, которые строятся и эксплуатируются по географически специфическим территориям. В этом отношении энергетические корпорации, где бы они ни располагались—от Эквадора до Сахалина, от Судана до Курдистана, и от Нигерии до Каспия—находятся в сложных взаимоотношениях с отдалёнными и непонятными локальными образованиями.

Такая постановка проблемы делает возможным адресовать региональную политику через нефтяную призму и адресовать нефтяные проблемы через региональные призмы.

Примечания

¹ *Атаев Т.* Грузино-осетинский конфликт на фоне битвы гигантов за трубопроводы [Электронный ресурс]. URL: // www.islam.ru/pressclub/analitika/isunerus/ (дата обращения: 27.02.2010).

² Mission of Abkhazia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.abkhazia.com> (дата обращения: 27.02.2010).

³ «Российские вести». 1998. 20 февр.

⁴ *Caracciolo L.* La Lezione di Putin alla Casa Bianca // *La Repubblica*. 2008. 18 aug.

⁵ *Dugain M.* Vladimir Poutine, un imperialiste moderne // *Le Point*. 2008. № 1888. 20 nov.

⁶ *Королёв С.* Поглощение пространства. Геополитическая утопия как жанр исторического действия // *Дружба народов*. Независимый лит.-худ. и обществ.-полит. журн. 1997. № 12.